

«КЛАСС СРОСЯ БЛАГОДАРЯ ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ»

*О ТОМ, КАК ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ
ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ ОБЪЕДИНЯЕТ
МНОЖЕСТВО ПЁСТРЫХ*

Сейчас я понимаю, что у нас, в общем-то, не было никаких особых культурных мероприятий типа походов в театр и т.д., просто потому, что в Пушкино, где я училась, театров не было. Что у нас было и что же сделало наш класс таким, какой он получился? У нас с пятого класса был кружок. Наш классный руководитель Владимир Николаевич учил нас лепить, обжигать, складывать мозаику, резать из дерева и чеканить по металлу. Всё это я умею до сих пор и очень ему за это благодарна. На кружок ходила толпа из нашего класса, и ещё приходили многие другие люди – взрослые, из его бывшего класса. Эти вечера я помню до сих пор.

Помещение для занятий – «чеканка», как мы её называли, – было для нас больше, чем классом. Мы приходили туда с утра и уходили вечером. У нас был аквариум, самовар, у каждого – своя чашка. Главное – само пространство, где можно было находиться. В школе это так важно – иметь своё пространство, а не виснуть на переменах в рекреации.

Владимир Николаевич делал так, что мы каждый месяц праздновали дни рождения друг друга. Он соорудил огромное колесо типа «поля чудес», которое было совершенно таким же, как в телевизоре, и придумал для нас кучу во-

АЛЕКСАНДРА ВАНЯКИНА,
учитель, Москва

Какое уж особенное влияние способен оказать на учеников классный руководитель, задавленный отчётностью и обязательствами по своему предмету? Но мы вспоминаем собственных учителей, оставивших глубокий след в нашей жизни, и удивляемся: а как же это получилось? Ведь в условиях советской школы идеологический прессинг и отчётность давили на них ещё хлеще. В чём же особенность замечательных учителей прошлых лет? В них было больше идеализма? А, может быть, они меньше думали о трудностях собственного положения и саму возможность общения с учениками ценили выше, чем иной современный учитель? Конечно, есть у классных руководителей основания пожаловаться на недооценку их труда со стороны общественности. Но главное – внутренняя оценка, тот смысл и значение, которые придаёт своей работе сам человек.

просов по искусству и литературе. И мы играли. На протяжении пяти лет он дарил нам подарки, развлекал, танцевал с нами и пел песни. Я нигде не проводила столько времени, сколько в «чеканке».

Помню, что поперек нашей «чеканки» стояли столы длинной колбаской, покрытые белой бумагой. А мы на ней писали всё, что придёт в голову. Наверное, эти листы с нашими записями до сих пор где-нибудь лежат в шкафах.

Владимир Николаевич сделал так, что у нас всегда было ощущение класса как сообщества близких людей. Мы всегда держались вместе, и на его похоронах я поняла, что одноклассники мне по-прежнему родные. Нас связывала такая дружба, про которую я читала в детстве в пионерских книжках и всегда при этом думала, что сейчас ничего подобного уже нет. А потом я выросла, окончила школу и поняла, что как раз такая дружба у нас и была.

Мы все оказались очень разными. У нас не было какого-то общего стержня, интереса, который бы всех соединял, кроме нашей клас-

совости, кроме буквы «Б». И это, мне кажется, очень важно. Легко сколотить класс, где все увлекаются физикой, и трудно, где один читает Бродского, а другой варит мыльное мыло в домашних условиях. Именно поэтому сейчас, когда интересы всё больше нас разъединяют – настолько разная у всех жизнь, – объединяют нас общие воспоминания и ощущение, что мы близкие люди. И этого никогда не случилось бы без Владимира Николаевича.

Наверное, это хорошо, когда есть общность духа, но у нас такого не было. Класс сросся благодаря одному человеку – классному руководителю – и всё. И этого оказалось достаточно для того, чтобы нам всем стать близкими.

Скоро будет год, как Владимира Николаевича нет. Каждый раз, когда я прохожу мимо дома, где он жил, я смотрю на его окна и вспоминаю, как он пел нам песню на выпускном и как у него дрожал голос. А ещё я вспоминаю, как он точил нам карандаши, сочинял смешные стишки на Новый год и говорил, что мы самые лучшие.